

УДК 329.14

Прокудин Б.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, Российская Федерация*

Н.Ф. ФЕДОРОВ И ИДЕЯ БРАТСТВА В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В русской социально-политической мысли существует традиция размышления о всеобщем братстве. Для формирования этой традиции важную роль сыграл философ Николай Федоров. Задача статьи – показать истоки и эволюцию идеи братства в России. Автором проанализирован корпус текстов русских мыслителей XIX и XX вв., в которых чётко различимы разные уровни толкования идеала братства, восходящего к образу Сергиевской Троицы: активно-религиозное толкование братства, которое утверждает «план объединения всех во многоединстве по подобию Божественного Троиинства»; философско-этическое толкование, утверждающее абсолютную моральную ценность единства всех людей; естественнонаучное толкование, также постулирующее высшую ценность братства и солидарности на основе веры в «глубокие естественные законы»; и наконец, конкретно-прикладное истолкование идеи братства, предполагающее воплощение принципов братской жизни на практике.

Ключевые слова: братство, Сергей Радонежский, Н.Ф. Федоров, Ф.М. Достоевский, русский космизм, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский.

B. Prokudin

*Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie Gory, 1, Russian Federation*

N.F. FEDOROV AND THE IDEA OF FRATERNITY IN THE RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT

Abstract. In the Russian social and political thought there is a tradition of thinking about the universal fraternity. The important role for the creation of this tradition was played by the philosopher Nikolay Fedorov. The aim of the article is to depict the sources and the evolution of the idea of fraternity. The author analyzed a number of texts created by the Russian thinkers of the XIX and XX centuries where different levels of interpreting the ideal of fraternity are given. The ideal mentioned goes back to the Sergius' Trinity image: active and religious interpretation of fraternity which encourages everybody to unite in multiunity similar to the divine tripersonality. Besides, there is a philosophical and ethic interpretation which states that all people's unity has an absolute moral value. The natural-scientific interpretation also postulates the highest value of fraternity and solidarity on the basis of belief in "deep natural

laws". And the specific and applied interpretation of the idea of fraternity assumes that the principles of fraternal life can be embodied into practice.

Key words: fraternity, Sergius of Radonezh, Nikolay Fedorov, Fyodor Dostoevsky, Konstantin Tsiolkovsky, Vladimir Vernadsky.

ГЕНЕЗИС ИДЕИ БРАТСТВА В РОССИИ: СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Наиболее раннее обоснование братства в русской мысли мы можем связать с именем Преподобного Сергия Радонежского и духовым идеалом Святой Троицы. Почему в качестве исходной точки мы берём жизнь и учение Сергия? Потому, что именно время жизни Преподобного совпадает с началом формирования современного российского мировидения, связанного с созданием Московского государства как итога «собрания Русских земель». До этого времени в условиях феодальной раздробленности общий характер русских племён несомненно уже складывался, но ещё был лишён того принципиально нового «общего», которое рождалось в объединённом государстве. Важно также иметь в виду, что на новое единство также работали догматы общей христианской веры, введённой на Руси князем Владимиром. Уже более трёх веков Русь питалась «цивилизационными идеями» Византии, которые сначала заимствовались, потом – начинали адаптироваться и постепенно видоизменялись настолько, что через них начинали просвечивать наши особенности¹.

Время ученичества и напряжённого усвоения христианской культуры завершилось, когда в лице Сергия Радонежского, его сподвижников и современников произошло обобщение идей византийской духовности, всего русского опыта, и впервые высказано было своё слово, выбран свой идеал, наиболее близкий русскому сердцу – Святая Троица, символ духовного единства.

Можно предполагать, что выбору такого символа отчасти способствовал общинный дух крестьянства, сформировавшийся в суровой природе северных земель, понуждавшей их ради самого выживания держаться вместе и трудиться согласованно. Можно вспомнить недавнее тяжкое время поражений и пребывания под властью монгольских владык, что воспринималось как наказание Божие за грехи, среди которых первое место было отдано вражде князей и давней междоусобице русских земель. В любом случае, явление святого Сергия и связанного с его именем целого движения (за полвека учениками и другими последователями Радонежского святого было создано несколько десятков монастырей Святой Троицы) мы должны

¹ Об особенностях русской мысли см.: [10, с. 9–34; 14, с. 39–45; 15, с. 88–97; 27, с. 89–112; 28, с. 536–546].

признать узловым идейным событием русской истории в ходе собирания русских земель под эгидой московских князей и создании российского государства.

С фигурой Сергия Радонежского и его культом Святой Троицы связано начало нашего «самостояния». В Византии было несколько монастырей Святой Троицы, но никогда этот культ не был для неё доминирующим. Византия, по словам П.А. Флоренского, тогда завершала свою историю, открывался новый век, и культурная миссия переходила к новому народу. «Из русских болот возникало русское государство, и символом новой культурной задачи было видение Троицы» [24, с. 226].

Духовная жизнь Сергия Радонежского дала стимул нескольким важнейшим идеям, повлиявшим на русское самосознание. Сергей в своём духовном пути прошёл от отшельничества и сосредоточения к общежитийному братству, а русское общество (от крестьянина до князей) увидело в его подвиге и социально-политическое служение [см.: 16, с. 68–70]. Идея Троицы после Сергия сделалась для них ключом к осознанию русского единства, способом его познания и понимания, составив, в их представлении, осенённое «божьей благодатью», идейное содержание процесса строительства великого российского государства, главного наследника Византии и Православия.

Мы остановимся только на Сергиевской идее братства.

Сергий удалялся от мира, чтобы стать пустынножителем. Мы можем только догадываться о замысле Сергия, однако очевидно, что человек, получивший хорошее духовное образование, знакомый с византийской традицией исихазма, восходящей к практике «умного делания» святых подвижников первых веков христианства, уходил в «пустыню» для духовного сосредоточения. Это состояние духа, возможное только вдали от многоголосицы социальной жизни, от людей и страстей, являлось для него мечтой и, как сказали бы мы сегодня, моделью спасения. Пребывание в глухом лесу, среди природы, суровой к человеку, в молитвенном сосредоточении и тяжёлом труде – представлялось ему первоначальным христианским идеалом.

И вот пустынножитель помимо своей воли начинает вступать в первые социальные взаимодействия, от которых бежал. «Не без сожаления встречает он первых своих учеников» [23, с. 114]. «Я, господа и братья, – говорит он им, – хотел один жить в пустыне и скончаться здесь. Но если так пожелал Бог и если угодно Ему, чтобы был на месте этом монастырь и многочисленная братия, да будет воля Господня» [цит. по: 23, с. 247]. Дальше – больше. Братия просит Сергия возглавить монастырь, стать игуменом. Он так же вздыхает и отказывается, но, как пишет Епифаний, автор его жизнеописания, «братолюбие побеждает». Наконец он получает (не без участия ми-

трополита Алексия) грамоту от самого константинопольского патриарха, с благословением на устройство в монастыре «общего жития». Необходимо взвалить на себя бремя хозяйственной и административной ответственности. И Сергей идёт на это. «Так, шаг за шагом, – как пишет Г.П. Федотов, – преподобный Сергей возвращается из излюбленной им пустыни в человеческий мир, хотя бы замкнутой монастырской оградой, – чтобы вскоре переступить и эту самую ограду» [23, с. 114].

Сергий идет на духовную жертву, принимая общежитийный устав. Он меняет модель своего спасения. Место духовного сосредоточения, которое невозможно среди людей и общих забот, занимает братство. Однако Сергей жертвует своим уединением не ради социальных дел. Сергиев монастырь живёт ещё не автономным хозяйством, а подаваниями. Основная черта святого – его смиренная кротость, доходящая у игумена почти до безвластия. Епифаний, никогда не показывает Сергия наказывающим своих духовных чад. Наоборот, он ищет возможности всячески себя умалить, ходит в «ветхих ризах», однажды нанимается к одному из своих монахов строить сени в его келье за «решето гнилых хлебцов». Созерцание Святой Троицы, таким образом, получает новый смысл: спасение через братскую жертву. Братство ради спасения всего мира.

АКТИВНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ТОЛКОВАНИЕ БРАТСТВА

Если искать преемственные идеи в близкое к нам время, очевидно, что подобная деятельная трактовка идеи Святой Троицы вдохновила одного из самых загадочных и оригинальных русских философов XIX в. Н.Ф. Фёдорова. Он утверждал, что догмат Троицы есть отнюдь не только «нравственная идея», но «план объединения всех во многоединстве по подобию Божественного Триединства» [22, с. 56]. Фёдоров писал, что Сергей Радонежский более всех приблизился к учению о Троице как к образцу для людей, «взятых не в отдельности, а в их совокупности», создав первый общежитийный монастырь в Московском Государстве, «в котором было одно сердце и одна душа» [см.: 22, с. 59].

Фёдоров говорил о достижении братства именно через христианскую идею Троицы. Для него слова Христа: «да будут все едино» стали заповедью «жизни со всеми и для всех», то есть идеей всемирного объединения. Братству призвана была способствовать реализация «общего дела», которое должно начаться, по Фёдорову, как работа над восстановлением памяти, а закончится победой над смертью и воскрешением предков. Было бы ошибкой видеть в идее воскрешения Фёдорова просто этическую метафору, способ борьбы с индивидуализмом, забвением прошлого, «хищническим»

отношением к природе, последствиями прогресса и индустриального развития. Он надеялся на действительное воскрешение, как «собрание рассеянных частиц» отцов, которое может быть реализовано с помощью науки.

Фёдоров считал, что вся история человечества была историей истребления друг друга и разрушения природы. В основании современной цивилизации лежит конкуренция, которая порождает разобщённость, дух «небратства», пассивность мысли и знания. Причиной всего этого комплекса пороков Фёдоров видел смерть. Пугающая всех, несправедливая смерть является источником личного несчастья и социальной конкуренции, борьбы за жизненные интересы, нарушающей все принципы справедливости и морали. Смерть порождает идею прогресса, построения светлого будущего на костях предков, антагонизм между отцами и детьми. Одним словом, смерть является первопричиной не только человеческого несчастья, но и всех социальных проблем человечества: угнетения, войн и неравенства. И общей задачей людей является победа над смертью, после чего станут не важными национальные, расовые и любые другие различия. Следующим же шагом устранения «великой несправедливости» Фёдоров видел в воскрешении предков. Не только добиться бессмертия, но и воскресить всех умерших – вот сверхзадача, которая может изменить культуру, преобразить её, гуманизировать и спасти цивилизацию.

Идее «всемирного гражданства», выдвинутой ещё стоиками, Фёдоров предпочитал идею «всечеловеческой семьи», где желаемое объединение произойдёт не на принципах планетарного суверенитета, а всеобщего родства, более глубокого единства, не только пространственного, но и временного: «Всемирность по времени – это диахронная вертикаль уходящего в глубь веков родства всех по единым предкам» [19, с. 316].

В 1880 г. Ф.М. Достоевский произнёс свою знаменитую «Пушкинскую» речь, суть которой состояла в том, что основная идея русского народа, или «русская идея», состоит «во всеслужении человечеству». «Стать настоящим русским, стать вполне русским, – говорил он, – может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [9, с. 457]. «Стать настоящим русским и будет именно значить <...> изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христовому евангельскому закону!» [9, с. 458]

За два года до произнесения «Пушкинской» речи Достоевский познакомился с идеями Федорова. «Он (Федоров) слишком заинтересовал меня... – писал Достоевский, Петерсону, ученику Фёдорова и популяризатору его идей. – В сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои» [цит. по: 3, с. 164]. Для Достоевского, наследующего славя-

нофильской традиции русского мессианства, вопрос о братстве был, как и для Фёдорова, отнюдь не просто отвлечённо-этическим. Для Достоевского он был «вопросом высшего объединения духовного» [см.: 17, с. 100–107].

Так религиозный догмат Троицы становится в XIX в. обоснованием глобальной социальной концепции, а идея духовного братства ради спасения всего мира – политической программой, хоть и утопичной в своей дерзновенности, но вполне конкретной, в понимании её создателей¹.

ФИЛОСОФСКОЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ТОЛКОВАНИЕ БРАТСТВА

Фёдоровское учение причудливо совмещало хранительный² компонент – апелляцию к памяти предков – и модернистский – достижение поставленной цели с помощью продвинутой науки и техники. Именно поэтому в конце XIX в. перед лицом «агрессивного прогресса» этими идеями увлекались консервативно настроенные русские мыслители, такие как Ф.М. Достоевский. Но в начале XX в. соотечественников особенно привлекла утопическая линия его концепции, а именно идея расселения воскрешенных отцов на другие планеты [см.: 8, с. 38, 39]. Идея превращения неба в «жилища отцов», «перенесения душ на звёзды», создание «нового целомудренного человека», вдохновила, например, К.Э. Циолковского. Именно во взаимодействии идей братства, в сочетании естественных и гуманитарных наук возникает в России течение мысли, получившее название «русский космизм».

Пятнадцатилетнем подростком Циолковский попал в Румянцевскую библиотеку, познакомился с удивительным библиотекарем, Николаем Фёдоровым, и вскоре стал его учеником. В Советском Союзе Циолковский был известен как отец ракетодинамики и космонавтики, тогда как он считал себя, прежде всего, философом. Многочисленные труды Циолковского показывают его отнюдь не позитивистом, а фантастом и даже мистиком.

Молодой Циолковский увлёкся учением Фёдорова о преодолении смерти и воскрешении предков. Но для справедливого воскрешения, как полагал Фёдоров, человечеству необходимо освоить другие планеты для расселения отцов. Циолковского завораживала мысль о неизбежности выхода человечества в космос. И Фёдоров, как писал Циолковский, поручил ему практическую разработку идеи космической экспансии. «Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка, – писал Циолковский; – за ними шествует научный расчёт, и уже в конце исполнение венчает мысль» [25,

¹ Необходимо сказать, что идея всемирного духовного единства высказывалась ещё одним почитателем Фёдоровских идей – В.С. Соловьёвым. Его учение о «всечеловечестве» представляло собой синтез христианских идей и идеи «народности». См.: [4, с. 61–62].

² О термине «хранительный» см.: [30, с. 69–87; 29, с. 14–42].

с. 168]. Сам он прошёл все этапы этой последовательности, посвятив своё научное творчество техническому обоснованию ракеты, не раз утверждая при этом, что ракета для него вовсе не самоцель, а способ достижения космического пространства [см.: 19, с. 465, 466].

В понимании Фёдорова и Циолковского выход в космические просторы для освоения других планет был отнюдь не очередным доказательством технической мощи человека, он представлялся предпосылкой фундаментального переустройства не-братской цивилизации людей. Циолковский был озабочен созданием космической этики. Он считал, что нравственность Земли «такая же, как и небесная: устранение всех страданий. Эту цель указывает разум» [26, с. 46]. И был уверен в дальнейшей эволюции человека. Через много лет, считал Циолковский, на место страданий придёт блаженство, на место страстей – рассудок, «все миры будут заселены», а бессмертный человек станет бесплотной «лучистой энергией».

Фёдоров и Циолковский остро чувствовали несовершенную, кризисную природу человека, но первый верил в эволюцию, соответствующую идеалу «активного христианства», тогда как второй называл себя «чистым материалистом». Несмотря на различие онтологических предпосылок, центральной категорией философии Фёдорова и Циолковского была идея единства людей всего мира, преодолевших эгоизм не-братской цивилизации. И можно с уверенностью сказать, что космические идеи Фёдорова, Циолковского, способствовали первенству нашей страны в создании ракетной техники и мировой космонавтики.

В конце 1930-х гг. другой ученый, связанный с русским космизмом, В.И. Вернадский, начал разработку учения о ноосфере¹. Ноосферой, грядущим «царством разума», он называл новую ступень в развитии человечества, когда наука разовьётся до такой степени, что человечество разумно преобразует «область своей жизни» и своё социальное устройство. В этот новый период в истории Земли, человек откажется от старых предрассудков, от потребительского отношения к своей среде обитания, и от стихийного освоения биосферы перейдёт к осмыслённому её переустройству. Но в этом планетарном историческом движении, «ноосферизация человечества», по мысли Вернадского, должна сопровождаться его социальной эволюцией. И первая социальная предпосылка и характеристика ноосферы – «единство и равенство, по существу, в принципе всех людей, наций рас», ликвидация всякого неравенства и гнета [6, с. 28].

Вернадский никогда не называл себя учеником Н.Ф. Фёдорова, он считал себя учёным-натуралистом, а не философом-утопистом или религиоз-

¹ О социально-политических аспектах учения Вернадского о ноосфере см.: [11, с. 179–211].

ным мыслителем, однако глубокая убежденность, что единство является главной целью человечества, была ему столь же свойственна, как и Фёдорову, и Циолковскому. Только питалась она не религиозным чувством, а верой в «глубокие естественные законы». «Геологический эволюционный прогресс отвечает биологическому единству и равенству всех людей, – писал Вернадский. – <...> Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [5, с. 228].

В учении Вернадского не фигурировало слово «братство», но его убежденность в неизбежности грядущего «единства и равенства всех людей», обоснованного наукой, была продолжением веры Фёдорова и Циолковского в преодоление «не-братства» людей. Близкую этому идею научного оправдания солидарности, на которую не раз ссылался Вернадский, высказал П.А. Кропоткин в своей знаменитой работе 1902 г. «Взаимопомощь как фактор эволюции»¹. Кропоткин подвергал сомнению непомерную роль селекции и борьбы за существование в природе и социуме, противопоставлял одностороннему толкованию дарвиновской теории естественного отбора через конкуренцию и борьбу более универсальную идею сочетания борьбы и солидарности². «Как фактор эволюции, взаимопомощь, по всей вероятности, имеет гораздо большее значение, чем взаимная борьба», – писал он [12, с. 3–11]. «Этический» анархизм Кропоткина является оригинальной, глубоко русской идеей, ведь русский анархизм не был индивидуалистическим, как на Западе, а коллективистским. Русские анархисты безгранично верили в присущие человеку моральные качества, в правду, скрытую в народной жизни [см.: 21, с. 7, 20].

Таким образом, идея духовного братства ради спасения всего мира, явленная в трудах Фёдорова и Достоевского, утрачивая постепенно своё религиозное содержание, становится сначала философско-этическим учением Циолковского, а потом этическим учением, основанным на самых передовых достижениях естественных наук Кропоткина и Вернадского.

¹ О Кропоткине см.: [20, с. 5–50].

² Необходимо сказать, что убеждение в пагубности свободной конкуренции и борьбы за существование во всех сферах общества высказывалось в трудах мыслителей, которых принято называть утопическими социалистами. Разными путями к этому выводу приходили Сен-Симон, Фурье и Оуэн. «Все трое выдвигали по сути одну и ту же альтернативу существующим порядкам: организацию социальных и экономических отношений на принципах, исключающих противоборство как индивидов, так и классов, и утверждающих объединение их интересов и усилий в качестве первоосновы общества» [1, с. 7]. Но все трое основывали свои представления на абстрактных постулатах философии Просвещения, тогда как Кропоткин впервые подверг сомнению «универсальность» социальной борьбы и конкуренции методами естественных наук.

КОНКРЕТНО-ПРИКЛАДНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ИДЕИ БРАТСТВА

Идеи Н.Ф. Фёдорова произвели сильнейшее впечатление на его современников и оставили яркий след в культуре. Среди идеалистов юного государства рабочих и крестьян, поверивших Фёдорову, был и писатель Андрей Платонов. В соответствии с общей атмосферой революционной эпохи, его произведения изобиловали утопическими мотивами, и две основные линии, которые Платонов пытался совместить в своём видении будущего – были «коммунистическая» и «фёдоровская». Эти линии, материалистического социализма и братства во Христе, кажутся далёкими друг от друга только на первый взгляд. Коммунизм должен был состояться лишь после победы мировой революции и соединения пролетариев всех стран. То есть братство всех людей Земли являлось одновременно и целью всемирного коммунизма и христианской моделью спасения для жизни вечной. Может быть, поэтому, казалось бы, чужеродная для религии сугубо материалистическая идея коммунизма оказалась так близка русскому человеку. «Идея общегития как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, – писал П.А. Флоренский, – назовется ли она по-гречески киножией или по-латыни – коммунизмом, всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней как вожденнейшая заповедь жизни, – была водружена и воплощена в Троице-Сергиевской Лавре Преподобным Сергием и распространялась оттуда, от Дома Троицы, как центра колонизации и территориальной, и хозяйственной, и художественной, и просветительной, и, наконец, моральной» [24, с. 234].

В 1937 г. Н.А. Бердяев опубликовал работу под названием «Истоки и смысл русского коммунизма», одной из главных идей которой было признание факта, что революцию и коммунизм нельзя рассматривать как что-то внешнее по отношению к истории страны [см.: 2, с. 81–90]. Бердяев увидел в русском коммунизме продолжение традиции «русского мессианства»: романовская монархия имела корни в религиозной вере, воспринимая себя как «священное царство», оплот православия и славянства. Но и новое государство большевиков воспринимало себя похожим образом: оно тоже имело корни в новой – марксистской – «вере», и тоже воспринимало себя как «священное царство» рабочих и крестьян, оплот пролетариата всего мира [см.: 7, с. 321]. Сверхнациональная идея защиты православных, сменялась подобной ей по масштабу сверхнациональной идеей – защиты пролетариев, где бы они ни жили.

Бердяев возводил интернациональность советских людей к «русскому мессианству», но с таким же успехом её можно было объяснять глубоко укоренённой в народном сознании идее братства. В советском простран-

стве, как писал А.С. Панарин, действовало нигде в мире не предусмотренное правило «социалистического строительства»: больше ресурсов, льгот и преференций роста получают те республики (регионы), которые временно отстали и находятся в более трудном положении [см.: 13, с. 106]. Действительно, простой экономической и даже политической выгодой невозможно объяснить огромные усилия советской страны по ускоренной индустриализации собственных «отсталых» республик, а также стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но не это ли ещё в 1880 г. имел в виду Достоевский: «Нет таких трудов и подвигов, на которые бы не согласился Христов человек, только бы они вели к цели: всечеловеческому братству»? [18, с. 233] Идеологии исчерпывают себя и уходят с мировой сцены, идеи, укоренённые в национальной мыслительной традиции, в историческом плане – куда более устойчивы.

Таким образом, в работах русских мыслителей XIX и XX вв. чётко различимы разные уровни толкования идеала братства, восходящего к образу Сергиевской Троицы, постепенно теряющие духовное содержание. *Активно-религиозное* толкование братства, явленное в работах Н.Ф. Фёдорова и Ф.М. Достоевского, утверждает «план объединения всех во многоединстве по подобию Божественного Троиинства», *философско-этическое* толкование К.Э. Циолковского утверждает абсолютную моральную ценность единства всех людей, преодолевающих не-братство, *естественнонаучное* толкование В.И. Вернадского и П.А. Кропоткина также постулирует высшую ценность братства и солидарности, но только обосновывает их не религиозным чувством, а верой в «глубокие естественные законы», и наконец, *конкретно-прикладное* истолкование идеи братства предполагает воплощение принципов братской жизни на практике. За это отвечали теоретики русского коммунизма и советские интернационалисты.

Литература:

1. Андерсон К.М. У истоков идеологии кооперативизма // Андерсон К.М. Идеи кооперации в западноевропейской общественной мысли начала XIX века (Материалы к специальному курсу): учебное пособие. М., 1999. 80 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Пророческие слова о русской революции. Воронеж, 1992. С. 81–90.
3. Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Грезы о Земле и небе. СПб., 1995. С. 163–213.
4. Бобровских Е.В. «Многообразие в единстве». Концепция «народности» В.С. Соловьёва // Современные глобальные вызовы и Беларусь: институты, идеологии и стратегии социально-политического взаимодействия. Белорусская политология: многообразие в единстве: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Гродно, 5–6 мая 2016 г.): в 2 ч. Ч.1. Гродно, 2016. С. 59–63.

5. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. 16. М., 1980. С. 228–245.
6. Вернадский В.И. Открытия и судьбы. М., 1993. 688 с.
7. Волковова О.Д., Бердяев. М., 2010. 390 с. (ЖЗЛ).
8. Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М., 2012. 208 с.
9. Достоевский Ф.М. Пушкин // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. М., 1958. Т. 10. 624 с.
10. Ермашов Д.В., Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль X – начала XX вв. Часть I. История политических учений России X – XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства. М., 2005. 156 с.
11. Козиков И.А. В.И. Вернадский – создатель учения о ноосфере. М., 2013. 224 с.
12. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 2007. 240 с.
13. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. 560 с.
14. Перевезенцев С.В. «Слово о погубели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 2. С. 39–45.
15. Перевезенцев С.В. Духовно-политическая концепция царя Ивана IV Васильевича Грозного // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 88–97.
16. Перевезенцев С.В. И будет нам чудо... Уроки преподобного Сергия Радонежского // Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015. С. 68–70.
17. Прокудин Б.А. Панславизм Ф.М. Достоевского // Английский язык на гуманитарных факультетах: теория и практика: сборник научных и научно-методических трудов. М., 2015. С. 100–107.
18. Прп. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб., 2002. 271 с.
19. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М., 2004. 576 с.
20. Талеров П.И., Ширинянц А.А. Петр Алексеевич Кропоткин // Кропоткин П.А. Избранные труды. М., 2010. С. 5–50.
21. Талеров П.И., Ширинянц А.А. Жизнь и идеи бунтаря // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Бакунин. М., 2014. С. 4–42.
22. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. М., 2006. 518 с.
23. Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8. Святые Древней Руси. М., 2000. 267 с.
24. Флоренский П.А., священник. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П.А., священник. Избранные труды по искусству. М., 1996. 286 с.
25. Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами (1911–1912 гг.) // Циолковский К.Э. Избранные труды. М., 1962. С. 167–208.
26. Циолковский К.Э. Научная этика. Калуга, 1930. 68 с.

27. Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011. 568 с.

28. Ширинянец А.А. О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы Международной научной конференции. М., 2011. С. 536–546.

29. Ширинянец А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008. 416 с.

30. Ширинянец А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87.

References:

1. Anderson K.M. *U istokov ideologii kooperativizma* [At the Origins of the Ideology of Cooperativism] // Anderson K.M. *Idei kooperatsii v zapadnoevropeiskoi obshchestvennoi mysli nachala XIX veka (Materialy k spetsial'nomu kursu): uchebnoe posobie* [Ideas of the Societies in the Western European Public Thought of the Early XIX century (Materials for Special Course): Tutorial]. М., 1999. 80 p.

2. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism] // *Prorocheskie slova o russkoi revolyutsii* [Prophetic Words about the Russian Revolution]. Voronezh, 1992, pp. 81–90

3. Berdyaev N.A. *Religiya voskresheniya («Filosofiya obshchego dela» N.F. Fedorova)* [Religion of Resurrection (N.F. Fedorov's "Philosophy of Common Cause")] // *Grezy o Zemle i nebe* [Dreams of Earth and Sky]. SPb., 1995, pp. 163–213.

4. Bobrovskikh E.V. «Mnogoobrazie v edinstve». *Kontseptsiya «narodnosti» V.S. Solov'eva* ["Diversity in Unity". V.S. Solovyov's Concept of the "Nation"] // *Sovremennye global'nye vyzovy i Belarus': instituty, ideologii i strategii sotsial'no-politicheskogo vzaimodeistviya. Belorusskaya politologiya: mnogoobrazie v edinstve: Materialy VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Grodno, 5–6 maya 2016 g.): v 2 ch. Ch. 1* [Today's Global Challenges and Belarus: Institutions, Ideology and Strategies of Social and Political Interaction. Belarusian Politology: Diversity in Unity: Proceedings of the VII International Scientific-Practical Conference (Grodno, 5–6 May 2016): in 2 Parts. P. 2]. Grodno, 2016, pp. 59–63.

5. Vernadskii V.I. *Neskol'ko slov o noosfere* [A Few Words about the Noosphere] // *Vernadskii V.I. Problemy biogeokhimii. Trudy biogeokhimicheskoi laboratorii. Vyp. 16* [Problems of Biogeochemistry. Proceedings of the Biogeochemical Laboratory. Vol. 16]. М., 1980, pp. 228–245.

6. Vernadskii V.I. *Otkrytiya i sud'by* [Discoveries and Destinies]. М., 1993. 688 p.

7. Volkogonova O.D. *Berdyaev* [Berdyaev]. М., 2010. 390 p.

8. Gyunter KH. *Po obe storony utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia: A. Platonov's Contexts of Creativity]. М., 2012. 208 p.

9. Dostoevsky F.M. Pushkin [Pushkin] // Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 10* [Dostoevsky F.M. Collected Works in 10 V. V. 10]. М., 1958. 624 p.

10. Ermashov D.V., Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A. *Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' X–nachala XX v. Ch. I. Istoriya politicheskikh uchenii Rossii X–XVII vv.*

ot Kievskoi Rusi do Moskovskogo tsarstva [Russian Socio-Political Thought X – Early XX Century. Part I. History of Political Doctrines in Russia in X–XVII Centuries: from Kievan Rus to the Moscow Kingdom]. M., 2005. 156 p.

11. Kozikov I.A. *V.I. Vernadskii – sozdatel' ucheniya o noosfere* [Vernadsky – the Creator of the Noosphere Theory]. M., 2013. 224 p.

12. Kropotkin P.A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual Aid as Factor of Evolution]. M., 2007. 240 p.

13. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic Instability in the XXI Century]. M., 2003. 560 p.

14. Perevezentsev S.V. «*Slovo o pogibeli Russkoi zemli*» kak politicheskaya programma vrozhdeniya Rusi [“The Tale on the Destruction of the Russian Land” as a Political Program of the Revival of Russia] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2006, no. 2, pp. 39–45.

15. Perevezentsev S.V. *Dukhovno-politicheskaya kontseptsiya tsarya Ivana IV Vasilevicha Groznogo* [Spiritual-Political Concept of Tsar Ivan IV the Terrible] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2006, no. 4, pp. 88–97.

16. Perevezentsev S.V. *I budet nam chudo... Uroki prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo* [And You will Get a Miracle... The Lessons of St. Sergius of Radonezh] // Perevezentsev S.V. *Rodstvo po istorii: Stat'i. Ocherki. Besedy* [Perevezentsev S.V. The Relationship in History: Articles. Essays. Conversations]. M., 2015, pp. 68–70.

17. Prokudin B.A. *Panslavizm F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Pan-Slavism] // *Angliiskii yazyk na gumanitarnykh fakul'tetakh: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh trudov* [English for the Departments of Humanities: Theory and Practice: Collection of Scientific and Scientific-Methodical Works]. M., 2015, pp. 100–107.

18. Venerable Justin (Popovich). *Dostoevskii o Evrope i slavyanstve* [Dostoevsky on Europe and the Slavs]. M.; SPb, 2002. 271 p.

19. Semenova S.G. *Filosof budushchego veka: Nikolai Fedorov* [The Philosopher of the Next Century: Nikolai Fedorov]. M., 2004. 576 p.

20. Talerov P.I., Shirinyants A.A. *Petr Alekseevich Kropotkin* [Petr Alekseevich Kropotkin] // *Kropotkin P.A. Izbrannye trudy* [Selected Works]. M., 2010, pp. 5–50.

21. Talerov P.I., Shirinyants A.A. *Zhizn' i idei buntarya* [The life and ideas of a rebel] // *Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX–XX v.* [Russian Socio-Political Thought of XIX– Early XX Century: Bakunin]. M, 2014, pp. 4–42.

22. Fedorov N.F. *Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva* [The Question of Brotherhood or Kinship, of the Reasons for Non-Brotherly, Unrelated, i.e. Non-Peaceful State of the World and the Means to restore the Relationship]. M., 2006. 518 p.

23. Fedotov G.P. *Svyatyte Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Rus] // *Fedotov G.P. Sobranie sochinenii v 12 t. T.8: Svyatyte Drevnei Rusi* [Collected Works in 12 v. V. 8: Saints of Ancient Rus]. M., 2000. 267 p.

24. Florensky P.A., reverend. *Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya* [The Trinity-Sergius Lavra and Russia] // Florensky P.A., reverend. *Izbrannye trudy po iskusstvu* [Selected Works on Art]. M., 1996. 286 p.

25. Tsiolkovsky K.E. *Issledovanie mirovykh prostranstv reaktivnymi priborami (1911–1912 gg.)* [Study of Outer Space by Means of Rocket Appliances (1911–1912)] // Tsiolkovsky K.E. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. M., 1962, pp. 167–208.

26. Tsiolkovsky K.E. *Nauchnaya etika* [Scientific Ethics]. Kaluga, 1930. 68 p.

27. Shirinyants A.A. *Nihilizm ili konservatizm? (Russkaya intelligentsiya v istorii politiki i mysli)* [Nihilism or Conservatism? (The Russian Intelligentsia in the History of Politics and Thought)]. M., 2011. 568 p.

28. Shirinyants A.A. *O spetsifike istorii sotsial'no-politicheskoi mysli Rossii* [About the specifics of the history of socio-political thought of Russia] // *Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnye napravleniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Social Thought in Russia: the Origins, Evolution, Main Directions: The Proceedings of the International Conference]. M., 2011, pp. 536–546.

29. Shirinyants A.A. *Russkii khranitel': politicheskii konservatizm M.P. Pogodina* [Russian Keeper: the Political Conservatism of M.P. Pogodin]. M., 2008. 416 p.

30. Shirinyants A.A. *Khranitel'stvo kak osnovanie konservativnoi politicheskoi kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoi Rossii): kontseptsiya russkoi monarkhii* [Keeping as the Basis of the Conservative Political Culture of the Intelligentsia (the Experience of Post-Reform Russia): the Concept of the Russian Monarchy] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2006, no. 4, pp. 69–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прокудин Борис Александрович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: probor@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Прокудин Б.А. Н.Ф. Фёдоров и идея братства в русской социально-политической мысли // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Prokudin Boris – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Socio-Political Ideas, Lomonosov Moscow State University; e-mail: probor@bk.ru

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Prokudin B.A. N.F. Fedorov and the Idea of Fraternity in the Russian Social and Political Thought // Bulletin of Moscow State Regional university (e-journal), 2016, no. 3. URL: www.evestnik-mgou.ru